

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР МИРОВОГО РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ

Р.И. Юнусов
(Россия, г. Астрахань)

Вероятно, мало кому сегодня покажется неожиданным утверждение о том, что процесс глобализации все более приобретает транснациональные черты, выступая с позиций расширения и увеличения протяженности и интенсивности экономических, культурных и финансовых связей во всем мире. Формируя, таким образом, не «пространство мест», а «пространство потоков», вследствие чего пространство «сокращается», время «исчезает», мир становится все более единым. Однако человечество вступило в крайне сложную эпоху своего существования, когда мир одновременно организуется и хаотизируется, глобализируется и локализуется, объединяется и разделяется. Существует мнение, что национальные границы начинают «исчезать» под нажимом транснациональных компаний, и местные культуры все в большей степени подвергаются воздействию унифицирующей моды и инновационных тенденций, источником которых преимущественно является Запад.

Рассматривая современное мировое устройство, нельзя не отметить, что в новом столетии резко обострилась борьба вокруг базовых принципов миропорядка, поступательно приходящего на смену биполярному миру второй половины XX века.

Мировое сообщество практически впервые получило уникальный в своей сущности шанс на формирование нового международного порядка в рамках свободных от конфронтационного наследия прошлого и в то же время для сохранения всего положительного массива мирового взаимосодействия, наработанного за всю историю человечества.

Несмотря на привлекательность раскрывшихся перспектив, шанс на их реализацию был использован далеко не полностью. Так, А.А. Романов [1, с. 38] на основе результатов исследований, проведенных совместно со специалистами американского института «Восток – Запад» указывает, что «была упущена уникальная возможность использовать окончание «холодной войны» и крушение тоталитарных режимов для продвижения к новому мировому порядку, основанному на согласии великих держав. Была упущена беспрецедентная возможность крупных прорывов в ядерном разоружении;... в разработке эффективных механизмов принуждения к миру и поддержания мира».

Основной причиной нереализованности «романтических» замыслов конца XX века стало то, что последствия развала биполярной системы оказались гораздо более масштабными и катастрофичными, чем предполагалось вначале. В условиях открытого и взаимозависимого мира конфронтационные моменты приобрели трансграничный характер, затрагивая сферу безопасности всех государств. Международные отношения, лишившись средств обеспечения стабильности, присущих «периоду холодной войны» не получили новых концептуальных механизмов, адекватных изменившейся обстановке.

Следствием этого стал процесс своеобразного поиска неких глобальных систем, способных организовать и обеспечить процессы сосуществования в современном мире.

Глубокие перемены, выразившиеся в более открытом характере современной структуры международных отношений, вызвали к жизни ряд абсолютно новых принципов сосуществования. В частности, практически полной дискредитации подвергались модели государственного развития, основанные на самоизоляции и автаркии, исчезла система блокирования на идеологической основе, переход к рыночным формам хозяйствования, либерализация мировых торгово-экономических обменов стал

стимулом к преобразованию мира в единое экономическое и цивилизационное пространство. Исходя из этого, мощный импульс практически во всех сферах жизни получили процессы глобализации, превратившиеся в важнейший фактор мирового развития в новом столетии. Сегодня без учета процессов глобализации невозможен серьезный анализ развития обстановки в Каспийском регионе, России, в мире в целом на среднесрочную, а тем более на длительную перспективу.

Но существуют и тенденции противоположной направленности – барьеры самого различного характера возводятся взамен разрушенных, один из них – «этническое возрождение» в промышленно развитых странах.

«Важной составляющей большинства ситуаций этнического антагонизма являются групповые барьеры и привилегированный доступ к ресурсам», – отмечает Э. Гидденс [2, с. 264]. Процессы глобализации, уверенно направляемые транснациональными корпорациями и международными финансовыми спекулянтами к обществу «одной пятой», где 80 % населения не будет иметь работы и жить «из милости» на подачки состоятельных 20 %, контролирующих все ресурсы, создают новые социальные барьеры и культурные расколы и уже привели к возникновению в промышленно развитых странах антиглобалистского движения. При этом против глобализации бунтуют отнюдь не нищие, это, прежде всего, молодые представители средних слоев, испытывающие страх перед перспективой потерять свое привилегированное положение. Этот страх, как пишут немецкие исследователи Г.-П. Мартин и Х. Шуманн, представляет собой «бомбу замедленного действия, сила взрыва которой не поддается оценке. Демократии угрожает не бедность, а страх перед бедностью» [3, с. 29].

В свою очередь, в результате массовой послевоенной эмиграции, прежде всего, из стран «третьего мира» в Соединенных Штатах и в Западной Европе, все в большей степени формируются полиэтнические общества. «В самые ближайшие годы каждый четвертый американец будет принадлежать к этническому меньшинству», – констатируют М. Бернал и Г. Найт [4, р. 1]. Сумеет ли западная цивилизация культурно ассимилировать десятки миллионов представителей других цивилизаций, не прибегая к насилию и соблюдая права человека? Пока же миллионы граждан из утратившего уверенность среднего класса ищут спасения не столько в антиглобалистской борьбе, сколько в традиционных ксенофобии, сепаратизме и изоляционизме.

Следует заметить, что непосредственно сущностное явление «глобализации» до сих пор не получило четко структурированного категориального определения. В современной науке существует несколько взглядов на эту проблему. В частности, ряд исследователей придерживается мнения, что глобализация есть ни что иное, как абсолютно новое явление, связанное, в первую очередь, с последствиями научно-технической революции, а также с ростом трансграничных финансовых потоков, насыщенность которых намного превышает объемы производства и международной торговли, становясь, таким образом, «абстрагированными деньгами». Другие рассматривают глобализацию как новый этап в развитии процессов интернационализации, начатых еще в конце XIX века, но прерванных вследствие двух мировых войн и последующим расколом мира на две антагонистические социально-экономические системы. Наиболее четкая формулировка была предложена экспертами Международного валютного фонда, обозначивших «глобализацию» как растущую экономическую взаимозависимость стран всего мира в результате возрастающего объема и разнообразия трансграничных обменов товарами, услугами, международных потоков капитала, а также, благодаря все более быстрой и широкой диффузии технологий.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что вызванное глобализацией всестороннее сближение стран и регионов должно в рамках «логических цепей» привести к получению мощных рычагов для решения мировых проблем. Весь необходимый потенциал, выраженный в современных технологиях, облегчающих поиск оптимальных решений проблем борьбы с бедностью, нищетой, заболеваниями, распространения грамотности свидетельствует, казалось бы, о наступлении эпохи всеобщего мира, безопасности, разоружения и конструктивного партнерства. Тем не менее в действительности положительный эффект от глобализации получил пока лишь узкий

круг наиболее развитых стран. Негативные же последствия испытывает на себе все мировое сообщество.

В частности, согласно положениям доклада ООН, опубликованного в 1999 году, разрыв доходов между пятью богатейшими и пятью беднейшими странами в 1960 году составлял 30:1, в 1990 г. он достиг соотношения 60:1, а в 1997 году – 74:1.

В последние годы наиболее отчетливо проявляется один из наиболее показательных парадоксов глобализации, состоящий в том, что революция в области средств коммуникаций, теоретически способствующая сближению стран и народов, на самом деле углубила разделительные барьеры между ними, поскольку доступ к беспрецедентным возможностям для передачи знаний и технологий в первую очередь имеют наиболее развитые страны.

Большую озабоченность вызывает также связанная с последствиями глобализма чрезмерная «экономизация» международных и межрегиональных отношений, когда доминирующей силой в них становится стихия рынка, а традиционные, в цивилизационном плане, политические и социальные мотивы принятия решений, гуманитарные и нравственно-этические нормы отходят на второй план. Создается ситуация, при которой судьба народов и стран уже не принадлежит им самим, а находится во власти неких наднациональных, никем по существу не контролируемых рыночных механизмов и структур. Таким образом, в условиях глобализации начинает страдать святая святых – экономическая безопасность суверенного государства.

Покушение же на суверенность в любой ментальности порождает массовую реакцию отторжения. «В статистическом смысле, поскольку реальный ВВП на душу населения продолжает расти, ...но при этом 80 % наемной рабочей силы переживают снижение реальной заработной платы, как это происходит в Соединенных Штатах, то средний трудящийся не видит положительного итога игры», – отмечает известный американский экономист Лестер Туроу. Он видит игру с отрицательным итогом, в которой больше проигравших, чем выигравших. Вокруг него не хватает хороших рабочих мест, большинство его соотечественников переживает снижение реальной заработной платы, и ему приходится бороться с другими за свое экономическое выживание. И поскольку ему нужны союзники в этой борьбе и враги, у которых можно отнять хорошие рабочие места, то неудивительно, что средний трудящийся в нашу эпоху ...сочувствует этническому сепаратизму» [5, с. 283], антиглобализму и ксенофобии. Тем более что они находят подтверждение своих страхов и фобий в выступлениях политиков, которые говорят: «Во всех экономических трудностях виноваты не вы, а «чужие»: иностранные рабочие, люди с другим языком, другой этнической или расовой принадлежностью внутри страны, иностранные конкуренты во вне.... Стоит только с ними справиться и все каким-то магическим образом изменится к лучшему».

Поэтому совсем не случайны электоральные и политические достижения праворадикального «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пенна во Франции и правопопулистской «Австрийской партии свободы» Йорга Хайдера в Австрии, устойчивый рост популярности сепаратистских партий в Квебеке, Шотландии, Фландрии и Ломбардии и др. Помимо традиционных обвинений в адрес иностранцев, их политическая пропаганда направлена также против неэффективного центрального правительства и содержит требования политического обособления процветающих регионов своих стран от бедных, которые, по их мнению, живут за чужой счет.

Однако этот во многом иррациональный протест против глобализации ничто по сравнению с теми «гроздьями гнева», которые зреют в странах, не попавших в «золотой миллиард».

Наложение и взаимоусиление проблем и противоречий порожденных «эффектом одновременности» процессов модернизации, нациестроительства и глобализации, превращают большинство стран мира, живущих в иных «часовых поясах», чем страны промышленно развитого Запада, в экономических и политических аутсайдеров. Растущая неэффективность государства под прессингом глобальной экономической рационализации, всеобщей финансовой зависимости, резким сокращением ресурсов для осуществления государственной социальной и экономической политики и

воздействием навязываемых СМИ западных потребительских стандартов, недостижимых для населения большинства стран, но вызывающих «революцию растущих ожиданий» и др., делает проблематичным осуществление цели «догоняющей» модернизации – «догнать и перегнать Запад», но порождает массовую фрустрацию, преодолеть которую проще всего с помощью формирования «образа врага» в национальной, цивилизационной и/или конфессиональной «упаковке», поскольку социальные общности «держатся вместе» при наличии внешних угроз и/или консолидирующей идеологии. При этом линии этнических и религиозных разломов, в отличие от экономических, до поры были незаметны. «Кровь и происхождение – в душе, а не в теле. Вопрос не в том, «кто принадлежит к нам», а в том, что само понятие «мы» часто означает нечто существенное, но невидимое другим» [5, с. 285].

Существует устойчивая корреляция между подъемом национализма и религиозного фундаментализма и переходным состоянием общества. Не случайно Э. Хобсбаум утверждал, что «... националистические движения обычно укореняются, прежде всего, в тех регионах (и, возможно, стратах), где модернизация уже достаточно проявила себя, чтобы породить проблемы, но недостаточно продвинулась, чтобы предложить их решения» [6, р. 399]. Периоды радикальных перемен – это периоды всеобщей неуверенности. И потому люди, проигрывающие от перемен, испытывающие страх перед новым глобальным миром, обращаются к «заветным», фундаментальным ценностям – этническим и религиозным. «Люди спасаются от экономической неуверенности своего реального мира, пишет Л. Туроу, – отступая в уверенность какого-нибудь религиозного мира, где им говорят, что если они будут повиноваться предписанным правилам, то будут спасены» [5, с. 278]. Свой способ спасения предлагает и национализм, поскольку берется компенсировать издержки «процесса освобождения» порожденного модернизацией и глобализацией.

Антизападный мятеж в «третьем мире» направляется также против секулярного национального государства, которое осталось чуждым институтом для незападных культур.

В Азии и Африке за фасадом заимствованных и слабых политических институтов и национальных символов скрывается традиционный мир племен и народностей, который не смогло трансформировать квазинациональное государство.

В своей освободительной борьбе страны «третьего мира» ставили своей целью получение статуса национальных государств и принятия их в международное сообщество в качестве суверенных и полноправных членов. В начале третьего тысячелетия появились сомнения относительно того, будет ли существовать и в наступившем столетии международный порядок, созданный по западным стандартам.

Современные исламские авторы, приверженцы идеологии панарабизма также не принимают существующий миропорядок, возникший, по их мнению, в результате западной колонизации. Они отрицают секулярное национальное государство и требуют вернуться к идее халифата – «исламского идеального государства». Отсюда рост политического влияния исламского фундаментализма, который тотально отвергает западную модель политического развития. Государства Азии и Африки и, прежде всего, мусульманские, переживают сегодня процесс этнизации. Именно этническая и конфессиональная солидарность приходит здесь на смену национально-государственной идентичности, заимствованной у бывших стран – метрополий. Глобализация, в формах, навязываемых Западом, воспринимается в этих регионах мира как угроза дальнейшему существованию, которая преодолевается посредством призыва к возвращению к традиционным формам общности – религиозной и этнической. Тем самым, с одной стороны, обостряются этнические различия между локальными культурами, а с другой, обостряется цивилизационный конфликт между исламскими странами и Западом. Пример Сомали, Ирака, Ирана, Судана и Афганистана наглядно доказывает правоту данного утверждения [7, с. 214–216].

При этом агрессивная энергия этнополитической и фундаменталистской мобилизации может быть сосредоточена в следующих основных направлениях:

- против поддающихся идентификации меньшинств, проживающих среди большинства;

- против соседних этнотерриториальных образований... с целью пересмотра границ;
- против имперского центра или главенствующей национальной группы [8];
- против соседнего народа/государства, принадлежащих к другой цивилизации/конфессии;
- против персонификации «зла глобализации» Соединенных Штатов Америки и «Запада» в целом.

Другим немаловажным аспектом с учетом вышеперечисленных особенностей становится «парадокс глобализации», выраженный в противоречии уникальных возможностей культурного обмена, благодаря современным коммуникационным технологиям и одновременное навязывание некоего «унистия», во всех сферах существования человека. Получает развитие процесс своеобразного «культурно-интеллектуального клонирования», выражающегося в нивелировании национальных культур, утрате культурной самобытности, исчезновении языков. Постепенно в рамках мирового сообщества формируется широкий консенсус вокруг идеи о том, что культурное многообразие имеет для цивилизационного будущего не меньшее значение чем, например, экологическое равновесие. Положительный смысл глобализации должен состоять, прежде всего, в нарастающем взаимообогащении культур, а не в доминировании одной отдельно взятой. В силу этого становится абсолютно очевидным, что международная система, основанная на столь разительных несоответствиях, не может быть стабильной.

Суммируя, можно отметить, что глобализация в ее современном состоянии еще не стала регулятором мировых процессов. Напротив, она зачастую вносит дополнительную дезорганизацию в систему взаимоотношений, и, следовательно, сама требует серьезного регулирования и управления в интересах мирового сообщества. В условиях нынешнего экономического положения Россия, как и большинство приграничных с ней стран, относятся к числу государств, для которых глобализация таит немало опасностей. Однако отказаться от курса на экономическую открытость и интеграцию в мировую экономическую систему Россия сейчас не может.

Таким образом, основной задачей, стоящей перед государствами Прикаспийского региона как составляющей мирового сообщества, становится налаживание процесса продуманного управления процессами глобализационной интеграции, и, в первую очередь, в рамках регионального взаимодействия, для придания глобализации социально-ответственного характера на основе принципов всеобъемлющей стратегической стабильности.

1. *Романов А.А.* Глобализация – общий взгляд: Материалы круглого стола. СПб., 2001. С. 38–49.
2. *Гидденс Э.* Социология. М., 1999.
3. *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западная глобализация: Атака на процветание и демократизацию. М., 2001.
4. Ethnic identity: Formation a. transmission among Hispanics a other minorities / *M.E. Bernal, G.P. Knight* (eds.). Albany, 1993.
5. *Турпоу Л.* Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск, 1999.
6. *Hobsbawm E.J.* Ethnicity and Nationalism in Europe Today // *Anthropology Today*. 1992. Vol. 8. № 1.
7. *Альтерматт У.* Этнационализм в Европе. М., 2000.
8. *Zaslavsky V.* Nationalism and Democratic Transition in Post – Communist Societies // *Daedalus*. 1992. № 2.